

ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

(Окончание. Начало на с. 4)
А когда я затих и продолжил лежать на траве уже молча, спокойно, но с укором сказала: «Ты же последнюю рубашку порвал. В чём теперь ходить будешь?» И ушла. А мне как-то неловко стало. «Может, не надо было рубашку рвать?» — подумал я.

Эпизод 8. Мне шесть лет

В наш двор зашли незнакомые мне люди. Показали маме какие-то бумаги. Затем начали выводить со двора нашу корову. Мама плакала, убеждала не забирать кормилицу. Некоторое время шла следом, рыдая с причитаниями как по покойнику. И вдруг корова, оглянувшись, громко замычала, как будто навсегда прощалась со своей хозяйкой. Крикнув напоследок: «Бог вам этого не простит», — мама пошла обратно, не оглядываясь. Следующей зимой мы узнали, что наша корова сдохла, находясь в колхозном хлеву.

Оценить и понять произошедшее я смог уже будучи взрослым. Все колхозники облагались так называемым военным налогом. Чтобы его заплатить, надо было продать определённое количество молока, яиц, зерна и т. д.

Не знаю, как другие колхозники, но мама всё время оставалась в долгу, тем более что в конце зимы и весной брала продукты в правлении колхоза в долг, чтобы хоть как-то дожить до нового урожая. Вот и накопился долг, равный стоимости коровы.

Таким образом, следующую зиму мы встретили и без коровы, и без козы (не помню, куда она делась). В конце зимы просто голодали.

Запомнился один из вечеров. В комнате почти темно. Керосиновая

лампа еле горит — экономим керосин. Мы с мамой сидим одетые. Печь топить нечем. Еды никакой. Мама: «Сынок, слазь на чердак, может, сухую грушу найдёшь». Я знал, что все сухофрукты (мы их специально готовили впрок в конце лета, раскладывая созревшие поспевшие фрукты на чердаке) уже закончились. Но полез. Начал в темноте перелопачивать солому. Нашёл три груши. Мама обрадовалась. «Ну, съешь две сам, а одну мне размягчи зубками, а то мои зубы не осият». Это был наш ужин.

Эпизод 9. Мне около семи лет

«Сынок, пойдём к тётё Наташе (родная сестра мамы) — дядя Петя (муж тётё Наташи) вернулся с войны», — мама взяла меня за руку, и мы пошли по улице, ускоряя шаг, как будто могли куда-то опоздать.

Я не помню дядю Петю — был совсем маленьким, когда он ушёл на фронт.

Вошли в горницу. Мама обняла сидящего на кровати человека. Потом подвела меня: «Ну, по-здоровайся с дядей». Передо мной сидел очень худой мужчина с беззубой улыбкой на лице. Одна нога чуть выше колена отсутствовала. Вместо одной руки свисал пустой рукав рубашки.

«Что же ты такой худой, а живот у тебя большой? Тебя мамка, наверное, только поит, а не кормит, — пошутил он. — Наташа, налей пацану борща». И обращаясь к моей маме, сказал: «Ничего, Соня, самое страшное позади. Теперь будет только лучше, хуже уже не будет». И далее: «А у Васыки твоего (это у меня, значит) всё будет нормально. Подожди, придёт время, и он у тебя офицером

будет». Надо же, как в воду глядел.

С возвращением дяди Пети наша жизнь стала улучшаться. Его назначили заведующим колхозными садами. С его подачи маме поручили охрану одного из трёх садов. Дядя сделал протезы и на ногу, и на руку. И он довольно-таки шустро передвигался, прихрамывая. Но протез руки он предпочитал не носить.

В дневное время очень часто приходилось охранять сад мне. Интересно отметить, что после назначения мамы охранником (остальные охранники были мужчины) набеги местных мальчишек на охраняемый нами сад почти прекратились. И дядя Петя это заметил. А дело в том, что я знал всех потенциальных воришек. И сам нередко участвовал в набе-

гах. А тут... Кто же будет воровать у «своего», тем более что я мог ребят просто угостить.

Эпизод 10. Мне восемь лет

С мамой состоялся примерно такой разговор.

— Сынок, надо тебе начинать учиться — ведь ты уже большой.

— Так у меня же нет зимней одежды и обуви.

— Ну, ты походи до холодов, а там видно будет.

Кстати, я вообще не помню, чтобы в 7 лет заходил разговор об учёбе. А в 8 лет я начал учиться в первом классе сельской семилетней школы.

С наступлением холодов ни обувь, ни тёплая одежда у меня не появились. Пришлось прекратить посещать школу. А ведь мне

шёл уже девятый год. Не могу не осуждать маму. Думаю, можно было найти выход из положения. В результате её нерешительности мне пришлось окончательно пойти в школу в 9 лет. Детство практически закончилось, многие годы я ощущал на себе двухлетнее отставание от сверстников.

Началась совсем другая жизнь, которая в конце концов привела меня в Калининград (Королёв). Далеко не прямым был этот жизненный путь: село Солодушкино — Камышин — Томск — Красноярск — Москва — Калининград (Королёв), не считая промежуточных мест, где также пришлось побывать в интересах службы и учёбы, — Байконур, Капьяр, Плесецк.

Василий ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Фото из архива автора

ОНИ ЗАЩИЩАЛИ РОДИНУ

Великая Отечественная... Она стремительно ворвалась в нашу мирную жизнь 22 июня 1941 года, нарушив пакт о ненападении, на долгих 1418 дней и ночей. Мне тогда было семь лет. Мой отец, Иван Сергеевич Афанасьев, был мобилизован в ряды Красной Армии в первые дни войны Мытищинским горвоенкоматом (в то время город Мытищи был центром района, в который входил Калининград). Мама работала в военной приёмке завода №88.

С первых дней войны наш город погрузился в темноту — окна домов были завешены одеялами и заклеены бумагой крест-накрест во избежание россыпи осколков. На крышах нашего дома были установлены зенитные орудия. Электричество отсутствовало, в домах горели самодельные фитили в банках с керосином. В квартирах был жуткий холод. Вскоре население города приобрело чугунные «буржуйки», трубы которых торчали из форточек, а потом кончились дрова. Особенно страшно становилось, когда раздавался вой сирены и из репродуктора слышался голос: «Воздушная тревога!». Всей семьёй мы бежали в подвал фабрики-кухни около завода, который не был приспособлен под бомбоубежище (ведь мы не готовились к войне). Там было страшно: кругом холодные пыльные трубы, где-то вдали еле-еле светился фитилёк. Народа набивалось много: с детьми, колясками, скарбом. Сидя в подвале, мы не знали, что происходит на улице. Вечерами мы, дети, со взрослыми дежури-

Отец погиб молодым...

ли на крышах домов, сбрасывая зажигательные бомбы на землю, а днём собирали зазубренные осколки. Несмотря на холод, мы продолжали учиться. В классах сидели в пальто, валенках, шапках. Так как чернила замерзали, мы из дома приносили чернильницы-непроливайки, держали их за пазухой. На большой перемене, сломя голову, бежали в школьный буфет, где каждого ждал стакан горячего чая, тонкий кусочек чёрного хлеба и крошечный кусочек сливочного масла. После того как в город стало поступать много раненых из-под Москвы, школу предоставили под госпиталь.

С одноклассниками мы ходили расчищать от снежных заносов действовавший аэродром (на месте нынешнего ЦНИИмаша), с которого 28 февраля 1940 года был осуществлён полёт ракетоплана РП-318-1 — первого в мире аппарата с жидким реактивным двигателем, сконструированным молодым инженером С.П. Королёвым. Здесь же во время Великой Отечественной войны дислоцировался авиационный полк полковника Валентины Степановны Гризодубовой. Наступало время голода. В магазинах не было продуктов, продовольственные карточки не отоваривали. Я до сих пор не могу понять: как моей милой любимой мамочке в свои 29 лет удавалось на одну заводскую зарплату в такое тяжёлое время прокормить семью из пяти человек. А ведь есть надо каждый день!

Жили мы в общежитии подвала дома 1/5 по улице Коминтерна, рассчитанного на 60 человек. Спали вчетвером на одной кровати:

мы с братом и мамой — валетом, бабушка с дедом на приставленных к кровати деревянных досках. Стены подвала были скользкими, покрытыми слизью. Люди часто болели и кашляли. Когда были вырублены деревья в городском парке и парке Завокзального района, Администрация Калининградского горсовета разрешила выкорчевывать пни и пилить больные деревья. Но каждый житель обязан был принести хотя бы охапку дров и корни пней для отопления детских садов, яслей, школ, больницы. Мой дед соорудил санки-розвальни, посадил меня на них, дал в руки двуручную пилу, и мы с ним поехали в лес на вторую торфянку. Мороз был под 40°, идти ему было нелегко, воздух захватывал дух. Деревья стояли в серебре, и если по дереву ударить обухом топора, оно звенело. Напилив дров, я ему помогала толкать тяжёлые гружёные санки, а он тянул за верёвку. Часть дров по договорённости дед отвёз в конный парк. Когда выезжали из леса, я заметила, что он был похож на сказочного Деда Мороза с красивой окладистой кудрявой бородой в сосульках, брови — в инее, а из-под заснеженных ресниц на меня глядели голубые глаза.

Однажды, возвращаясь с работы, мою маму остановил какой-то военный, представился, сказав, что он здесь проездом и по поручению моего отца просил маму, чтобы мы с ней приехали 7 ноября в Москву рано утром в определённое место. Проезд в Москву в военное время 1941 года был строго по пропускам. А так как моя мама работала в военной приёмке (а в то

время главным в городе был военный представитель), мама обратилась с просьбой к военпреду полковнику-инженеру Анатолию Иосифовичу Бровальскому с просьбой о помощи. Выслушав маму, он дал указание адъютанту о выдаче пропуска в Москву на два лица.

Рано утром мы были в столице. Вышли из метро «Преображенская площадь», нашли место, где должны были стоять. Мимо в строевом порядке уже проходили войска, направлявшиеся на Красную площадь. Мама плакала. В тот день, 7 ноября 1941 года, парад войск был назначен на восемь часов утра, вместо положенных десяти. Наше правительство обмануло Гитлера, притупив его бдительность. Вдруг мама услышала голос, который раздался из строя: «Фаня! Фаня!» Мою маму звали Фаина. Это был голос отца. Выбежав из строя, он подбежал к нам, обнял, поцеловал, прижался, обмолвился с мамой двумя-тремя фразами, сказав, что они идут на парад на Красную площадь, и побежал догонять свой полк. Так мы с мамой стали невольными участниками парада в Москве 7 ноября 1941 года.

Но это была и моя последняя встреча с отцом. Пройдя по Красной площади, войска направлялись прямо на фронт. Отец погиб в 1943 году в возрасте 32 лет. Вместе с фамилиями калининградцев, не вернувшихся с войны, его фамилия (Афанасьев Иван Сергеевич) выгравирована на Аллее Славы нашего города и занесена в Книгу Памяти Московской области.

Калерия ФОМИНА